

Бай Тан нерешительно замер в дверях кухни, прикусив губу. Слова Цзян Юньшу "делай, что хочешь" поставили его в тупик. Обычно в это время он готовил завтрак, а после — погружался в бесконечную круговерть домашних дел.

Даже когда альфа почти две недели пролежал в больнице, омега продолжал свой неизменный ритуал: ежедневно менял постельное белье, развешивал влажные простыни под лучами солнца, до блеска начищал винный шкаф и лестницу. Эта рутина не менялась вот уже три года.

Ни единой эмоции не отражалось на его лице, движения были чёткими и отработанными — словно запрограммированный домашний робот выполнял заложенный алгоритм.

Прихрамывая, Бай Тан на цыпочках прокрался в кладовку. Взяв метлу, он нерешительно начал подметать пол.

Цзян Юньшу обернулся и не смог сдержать улыбку:

— Бай Тан, днём придёт домработница. Тебе больше не нужно заниматься уборкой.

Омега резко вскинул голову, побелевшие костяшки пальцев сжали древко метлы. Неужели Цзян Юньсу собирается просто содержать его, ничего не требуя взамен? Как такое возможно? Может, альфа хочет избавиться от него? Или заставит делать что-то другое? Но ведь он умеет только убираться... А вдруг его обменяют, как вещь, передадут другому альфе для развлечений?

Глаза Бай Тана наполнились страхом — любой из этих вариантов казался ему непосильным бременем.

Невольно выпрямив спину, он робко произнёс:

— Господин, я могу заниматься уборкой. Пожалуйста, позвольте мне...

На лице омеги явственно читалось: "Я снова накручиваю себя". Цзян Юньшу на мгновение растерялся, но тут же мягко успокоил его:

— Бай Тан, я не это имел в виду. Давай обсудим домашние дела, когда твоя нога заживёт, хорошо?

Омега опустил ресницы, горечь затопила его сердце, к горлу подступил ком. Но он не посмел ничего сказать, лишь тихо поблагодарил:

— Спасибо, господин...

— Присядь пока на диван, — Цзян Юньшу слегка улыбнулся. — А метлу можешь оставить здесь, я сам ею воспользуюсь. Спасибо, что достал её для меня.

— Не стоит благодарности... — Бай Тан чуть не подавился собственными словами. Он затаил дыхание, невольно вздрогнув. — Это моя обязанность.

Цзян Юньшу покачал головой:

— Нет, это неправильно. Никто не обязан помогать другим просто потому, что так заведено.

На рисоварке оставалось ещё полчаса до готовности каши. Цзян Юньшу прикинул время — похоже, придётся вечером разобраться с настройкой таймера. Он обернулся и посмотрел на Бай Тана, сидевшего на диване: спина неестественно прямая, далеко от спинки, ноги чинно сложены, руки легко касаются коленей. Всё тело напряжено — даже смотреть было утомительно.

— Бай Тан, — Цзян Юньшу вымыл руки и подошёл к другому краю дивана. — Может, посидим во внутреннем дворике?

Как только силуэт альфы попал в поле зрения Бай Тана, тот инстинктивно напрягся ещё сильнее. Его сердце словно повисло на тонкой нитке где-то между рёбрами.

Прислушавшись к словам альфы, омега посмотрел в окно. За стеклом раскинулось море зелени: листья мягко колыхались на ветру, издавая тихий шелест. Иногда несколько листочков, красиво изогнувшись в воздухе, опускались на траву.

Напряжённые черты омеги немного смягчились, в его зрачках отразился внешний мир во всей своей красе.

Цзян Юньшу заметил изменение в выражении лица Бай Тана и понимающе кивнул:

— Подожди меня минутку.

Он поднялся на второй этаж, достал из шкафа клетчатую простыню и перекинул через руку. Затем вытащил из гардероба тёплую куртку и спустился к Бай Тану:

— Вот, надень. На улице ветрено, не простудись.

Бай Тан потянулся, чтобы взять куртку самому, и Цзян Юньшу не стал настаивать, передав её омеге.

— Обопрись на моё плечо, — сказал альфа, одной рукой подхватывая хрупкого омегу и усаживая его на своё правое предплечье.

Бай Тан не успел опомниться, как оказался в воздухе, покачнувшись от неожиданности. Инстинктивно он вцепился в рубашку альфы на плече, а Цзян Юньшу вовремя придержал его за талию тыльной стороной левой ладони.

Внезапно поднявшись на несколько десятков сантиметров, Бай Тан ощутил, как перед ним открылось всё пространство комнаты. Он заметил, что альфа сначала направился на кухню и левой рукой взял тарелку с маленькими сладкими картофелинами и перепелиными яйцами.

— Каша будет готова только через полчаса. Боюсь, ты проголодаешься, так что пока можешь перекусить этим, — пояснил Цзян Юньшу.

Такой альфа казался Бай Тану слишком незнакомым, слишком непривычным.

Омега несколько секунд напряжённо размышлял, не зная, что ответить. Но и промолчать он не мог — альфа мог разозлиться. Наконец, Бай Тан осторожно произнёс:

— Спасибо, господин... Но я не могу есть яйца.

Цзян Юньшу замер на полушаге:

— И яйца тоже нельзя?

Он опустил омегу на траву, и Бай Тан поёжился от колючего прикосновения травинок к ступням.

— Можешь рассказать, почему раньше я запрещал тебе есть мясо? — спросил альфа.

Бай Тан нерешительно замялся, но через мгновение, запинаясь, ответил:

— Потому что... потому что вы говорили, что от мяса у меня будет... неприятный запах.

Цзян Юньшу, расстеливший простыню на траве, застыл. Его лицо исказилось, а голос зазвучал

с нотками возмущения:

— И это была единственная причина?!

Почувствовав, что настроение альфы изменилось не в лучшую сторону, Бай Тан мгновенно замолк, охваченный страхом.

Повисло молчание.

Цзян Юньшу глубоко вздохнул, подавляя kloкочущий в груди гнев. Его голос звучал хрипло:

— Прости, Бай Тан. Теперь ты можешь есть мясо. И впредь тоже.

Расстелив простыню в тени дерева, Цзян Юньшу снова взял Бай Тана на руки и понёс его туда. Омега прикусил нижнюю губу, затем отпустил — мягкая, влажно поблёскивающая плоть выскользнула наружу.

— Не стоит, спаси...

Внезапно его взгляд упал на что-то, зрачки расширились от ужаса. Бай Тан резко обхватил шею альфы руками, оставшиеся слова растворились в воздухе. Всё его тело затряслось, он приоткрыл рот и тихонько вскрикнул.

Цзян Юньшу вздрогнул от неожиданности, его барабанные перепонки пронзила острая боль. Омега в его объятиях, словно беззащитный зверёк, лишённый укрытия, прижался к нему, влажным носом и глазами утыкаясь в открытую шею альфы.

Цзян Юньшу мгновенно окаменел. Никогда прежде никто не был так близко к нему. Никогда.

Он отчётливо ощущал мягкие руки омеги, тепло его тела, проникающее сквозь тонкую ткань одежды, и затылок Бай Тана прямо перед глазами. Вместе с этим его окутал сладковатый аромат.

У Цзян Юньшу закружилась голова. До этого момента он не имел чёткого представления о характере их отношений. Он просто воспринимал Бай Тана как нечто похожее на Чжоу Аня. Но сейчас в его сознании зародилась и прочно укоренилась новая мысль.

Бай Тан — его омега. А он, Цзян Юньшу — альфа Бай Тана.

На их шеях давно висел невидимый замок, а ключ от этого замка находился у другого.

Цзян Юньшу попытался собраться с мыслями. Тело в его руках всё ещё мелко дрожало. Он спросил:

— Что случилось?

Бай Тан, зажмурившись, дрожащим голосом прошептал:

— Птичка... У-у, птичка умерла...

Цзян Юньшу нахмурился. Он поддержал Бай Тана за спину и увидел то, о чём говорил омега.

Неподалёку лежало тельце воробья. Судя по всему, птица умерла уже несколько дней назад. Высохшее, начавшее разлагаться тело, пустые глазницы, в которых уже не было глазных яблок.

Доктор Цзян привык к подобным зрелищам, но для обычного человека эта картина действительно могла показаться отвратительной и пугающей. Он решительно отнёс Бай Тана обратно в дом, поглаживая дрожащую спину омеги. Его спокойный, уверенный голос раздался возле уха Бай Тана:

— Всё хорошо, не бойся. Ты больше этого не видишь. Я скоро уберу птицу.

Цзян Юньшу не знал, что Бай Тан когда-то подкармливал птиц на ветке дерева за окном своей комнаты. Каждое утро он вешал маленькое ведёрко с зёрнами, а вечером забирал его обратно.

Три года пролетели, словно миг. Самые счастливые моменты для Бай Тана были те, когда он, прильнув к окну, наблюдал, как разные птицы клюют зёрнышки.

Со временем пернатые гости привыкли к этому распорядку.

Хлопнула дверь. Послышался шум заводящегося автомобиля — альфа уехал.

Бай Тан тут же достал из глубины шкафа маленькое ведёрко, наполнил его зерном доверху. Отдёрнув занавески, он впустил в комнату солнечный свет, который, пробиваясь сквозь густую листву, окутал омегу золотистым сиянием. На ветке уже давно ждали с десятков маленьких воробьёв, склонив головы набок и с любопытством поглядывая на него.

На обычно настороженном лице Бай Тана впервые за долгое время появилась лёгкая, едва заметная улыбка.

Для Цзян Юньсу этот дом был скорее гостиницей, да и возвращался он сюда не каждый день. Поэтому он не замечал, что Бай Тан уже почти два месяца кормил птиц. Ведь каждое утро, проснувшись, альфа никогда не открывал шторы и не заправлял постель.

Но с каждым днём птичье пение становилось всё громче, раздражая Цзян Юньсу по утрам и портя ему настроение. Крайним, конечно же, оказывался беззащитный омега.

Однажды, когда Бай Тан закончил готовить, он увидел, что в сад пришла группа незнакомцев. Запах чужих альф вынудил его остаться в доме. Прильнув к прозрачному окну, он наблюдал, как эти люди держат в руках какие-то устройства и распыляют что-то на деревья.

Удобрят деревья? Или борются с вредителями?

Ни то, ни другое. Вскоре Бай Тан узнал правду.

На следующее утро омега стоял у двери, наблюдая, как Цзян Юньсу выезжает со двора. Повернувшись, он направился к шкафу, где хранилось маленькое красное ведёрко. Ни синяк на щеке, ни хромота не могли остановить его шаги, становившиеся всё более лёгкими. Тихонько напевая бессвязную мелодию, он наполнил ведёрко зерном.

Отдёрнув занавеску, он обнаружил, что на ветке нет ни одной птицы. Только тогда он осознал, что сегодня необычайно тихо — не слышно ни единого птичьего голоса.

Дурное предчувствие охватило его, и Бай Тан пробормотал:

— Птички?..

Спотыкаясь, он сбежал вниз по лестнице, несколько раз чуть не скатившись кубарем. Распахнув входную дверь, он впустил яркий солнечный свет, заливший его лицо золотистыми бликами. У подножия раскидистого дерева в беспорядке лежали десятки крошечных птичьих тел. Потускневшие чёрные глазки смотрели прямо на застывшего в дверях человека.

Бай Тан замер на месте, а затем издал душераздирающий крик:

— Птички!!!

<http://bllate.org/book/13383/1190869>